

Даля Трускиновская

Пустоброд

Домовые

Даля Трускиновская

Пустоброд

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Пустоброд / Д. М. Трускиновская — «Автор», — (Домовые)

Они живут рядом с нами, при этом оставаясь незаметными. Они заботятся о нас и о нашем хозяйстве. Они – домовые! маленькие человечки с совсем не малыми проблемами...

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Далия Трускиновская

Пустоброд

Сваху Неонилу Игнатъевну принимали достойно – угощение выставили с хозяйского стола. По негласному и очень древнему уговору домовые для таких случаев могли пользоваться хозяйской провизией. Сам домовой дедушка, и впрямь приходившийся невесте дедушкой, Матвей Некрасович, за круглым столом из красивой заморской банки посидел недолго, сам ушел и сына, Гаврилу Матвеевича, увел. Все эти заботы о приданом – бабье дело.

Однако еще накануне, перед приходом свахи, наказал невестке Степаниде непременно посетить местожительство жениха и убедиться, что любимица Маланья Гавриловна будет там как сыр в масле кататься.

Неонила же Игнатъевна заварила такую кашу, что и сама уж была не рада. Она поспорила с другими свахами, что уж ей-то удастся оженить одного из наилучших в городе молодцов, Трифона Орентьевича. А он вступать в супружество что-то не больно желал, да еще его дед от нашествия свах крепко зазнался, одних гонял, других привечал и вообще потерял последнюю совесть.

Заклад был хороший, можно сказать, знаменитый заклад: соперницы-свахи поставили на кон восемнадцать наилучших городских кварталов вместе с обитавшими там невестами и женихами. Выиграй Неонила Игнатъевна – и все эти богатые дома будут ей принадлежать отныне и до веку, век же у домовых долгий, вчетверо, а то и поболее, против человеческого.

А рисковала она не более не менее как своим пребыванием в городе. Если дело кончится крахом – собирай, голубушка, пожитки и ступай куда глаза глядят.

Было над чем поломать голову...

Уже и безместный домовой – печальное зрелище. Он, конечно, может приткнуться и к кому попало, но большинство людей настроено против загадочного подселенца, будут травить и выживать. Того, что домовой принесет удачу и поможет в хозяйстве, они не разумеют. А безместная домовиха, при том, что среди домовых именно по части женского пола недостаток, – совсем уж жалкая картина. Уважения к ней никакого – это до чего же нужно дожить бабе, чтобы в безместные попасть? Уходить из города, в котором почитай что вся жизнь прошла, скитаться по проселочным дорогам, по заброшенным деревням с заколоченными домами, побираться у автозаправок – тьфу!

Так что погорячилась Неонила Игнатъевна – и теперь сильно беспокоилась о своем дельце. С одной стороны, дед Трифона Орентьевича не говорил ни да, ни нет, а самого жениха она только два раза и сумела сманить с книжных полок, где он пропал денно и ночью. С другой – Степанида Ермиловна, наученная Матвеем Некрасовичем, а, может, и свахами-соперницами, говорила кислым голоском и хвалилась, что-де дочка у нее нарасхват, и охота отдать замуж поскорее, потому что тогда можно женить сынка, Лукьяна Гаврилыча.

И к решающей встрече Неонила Игнатъевна приготовилась так, что лучше не бывает. И заговоры на удачу прочитала, и заветную ладанку надела, вот только отворить дверь ногой не удалось – не дверь там была, а молния.

Семейству Матвея Некрасовича хозяевами была предоставлена большая дорожная сумка в кладовой, ровесница хозяйина, не иначе, с двумя широкими боковыми карманами, которые занимали дети, Маланья и Лукьян. Внутри Степанида Ермиловна обустроилась так, что любо-дорого посмотреть. Да еще к приходу свахи порядок навела. Хозяйская квартира тоже блестяла-сверкала – домовиха умела подсказать хозяйке, когда отложить все дела и взяться за уборку, и сама на зубок пробовала все новомодные чистильные средства. Не стыдно было, набивая цену невесте, хоть дюжине свах показать!

То ли заговоры, то ли ладанка – что-то сработало. Старшие, покряхтев, сообщили, что они не против, и тогда Неонила Игнатъевна спросила девицу Маланью Гавриловну. Маланья Гавриловна отвечала, что из родительской воли не выйдет, а только хочет сперва вместе с матерью поглядеть, где ей жить придется.

Тут Неонила Игнатъевна и ахнула беззвучно.

Такого подвоха она не ожидала.

Конечно, у Трифона Орентьевича с хозяйством все в порядке. И можно в любой час гостям его показывать. Но как привести туда двух домових, когда жених еще своего согласия не давал? Это же что получится? Это же получится разборка с криком и визгом!

А визжать домовихи умеют. Этому искусству они с малолетства обучаются. А если допустить, что соперницы следят теперь за каждым шагом Неонила Игнатъевны, то тут же кто-нибудь и объявится с любопытной рожей и наставленным ухом.

Пообещав, что вот этой же ночью и будет показан женихов дом, Неонила Игнатъевна убралась с миром, но далеко не ушла – тут же, в межэтажных перекрытиях, села и задумалась.

Думала она долго – и так, и сяк, и наперекосяк, а выходило одно – скандал.

Там, в перекрытиях, ее и обнаружил безместный домовый Аникей Киприянович.

Внизу, под лестницей, за батареей парового отопления был угол, куда нога человека не ступала, поди, лет сорок. И у самого пола на стене висели объявления: вон домовый дедушка из сорок пятой квартиры банного искал, сорок пятая была изумительно велика и хозяин додумался установить там сауну. Или вон в семнадцатую квартиру подручный требовался. Аникей Киприянович лишился хорошего хозяина, уехавшего из этого самого дома за границу, с новым не поладил, но дома покидать не стал – знал, что рано или поздно он кому-нибудь пригодится, жил под самой крышей, кормился добротством соседей, а занимался исключительно объявлениями: то в ближних домах развешивал, то здешние проверял, то ходил знакомиться.

– Ты что же это, кумушка? – изумился он. – Да этак об тебя споткнешься и ноги переломаешь!

– Ахти мне! – отвечала домовиха. – Ввязалась я сдуру в это дельце, а теперь вижу, что и костей не соберу!..

Аникей Киприянович сваху знал – и знал ее склонность к рискованным затеям.

– Кого с кем на сей раз сосватала, кума? Давай, винись!

Это он имел в виду давнее дельце – прослышала Неонила Игнатъевна, что на окраине-де семейство деревенских домовых обосновалось, а у них на выданье Ульянка. И, не спросясь броду, да бух в воду. Поспешила, полетела предлагать девице Ульянке в женихи Сидора Кузьмича. А как охнула Ульянкина мать, да как взрычал Ульянкин батя, да как вышел к старшим дородный добрый молодец Ульян Панкратьевич – так и вылетела пулей, и неслась наскипидаренным котом среди бела дня по улице!

– Ох, Аникеюшка...

– Ну, ну?

– Ох, Аникеюшка!..

Долго бился безместный домовый, пока вытянул из свахи правду. А как вытянул – поскреб в затылке.

– Хочешь, кума, я тебя научу?

Неонила Игнатъевна уставилась на него с невыразимой надеждой.

– Но с условием, – продолжал Аникей Киприянович. – Я тебе извернуться помогу, а ты мне место хорошее приищи.

– Да слыханное ли дело, чтобы сваха место искала? – удивилась домовиха.

– А коли неслыханное, так тоскуй дальше, я пошел.

Словом, сговорились.

* * *

Первым делом поспешили эти заговорщики к дому, где жил Трифон Оrentьевич с дедом. По дороге сваха обстоятельно расписала помощнику, в которой квартире кто из домовых прописался. Эти квартиры им были без надобности – а следовало очень быстро изучить другие, еще домовыми не освоенные. И желательно на том же этаже, лучше всего через стенку от Трифона Оrentьевича.

Такая квартира сыскалась. Забравшись туда, Неонила Игнатьевна и Аникей Киприянович прямо онемели. Судя по всему, здешний хозяин зарабатывал бешеные деньги. На стенках пустого места не было – ковры, да картины, да всякие диковины, да горка с фарфором и хрусталем, да шторы оконные чуть ли не из церковной парчи!

– Ну, вот сюда и приведешь, – решил Аникей Киприянович. – Давай, разглядывай, что тут и как, а то опростоволосишься.

– А потом?

– А потом девка будет уже замужем, – резонно отвечал советчик. И то верно – развода у домовых нет.

В назначенную ночь сваха повела невесту с ее матерью смотреть новое местожительство. Вела с трепетом – накануне она опять уламывала Трифона Оrentьевича, пока он не сбежал в книжки, а дедушка Мартын Фомич на сей раз был помягче и даже изъявил желание ознакомиться с росписью приданого. Если бы он случайно наткнулся в своем доме на Степаниду Ермиловну и Маланью Гавриловну, если бы понял, что сваха плетет козни, – хрупкое согласие разлетелось бы в мелкие ошметочки.

Шли межэтажными перекрытиями, а сзади на всякий случай крался Аникей Киприянович – мало ли что...

И прав оказался безместный домовый – его помощь-таки потребовалась.

На самых подступах к богатому жилью сваха услышала шаги и замерла. Не могло ж такого быть, чтобы они вдвоем не учуяли в той квартире присутствия домового! И, тем не менее, тот, кто брел навстречу, был именно домовый.

– Кто это? – прошептала Степанида Ермиловна. – Уж не вор ли?

Воровство среди домовых встречается крайне редко, однако бывают недоразумения. Решают их сходкой, и виновник торжества, если только действительно виновник, получает по первое число – могут и ухо откусить. Не сгоряча или со зла, а чтобы все видели, с кем имеют дело.

– Ахти мне! – шепотом же отвечала сваха. – Нишкни, кума, сейчас увидим...

Три домовых прижались друг к дружке, готовые разразиться бешеным визгом.

Тот, кто вышел им навстречу, вид имел до крайности унылый и жалкий. Так обыкновенно выглядит безместный домовый, пришедший в город издалека, оголодавший, нечесанный и еле волочащий ноги. Сходство усугублялось палкой, о которую он опирался, и не палкой даже, а целым посохом. Да еще тощим узелком за спиной.

Увидев домовых, этот странник вздохнул, покачал головой и еще раз вздохнул, хотя полагалось бы какое-никакое приветственное словцо молвить. А тут и Аникей Киприянович подошел.

– Ты кто таков? – строго спросил безместный домовый бродячего домового.

– Твое какое дело? – уныло огрызнулся тот. – Брожу вот, места себе ищу, да повымерли людишки, все повымерли...

– Как это – людишки повымерли? – чуть ли не хором спросили сваха и ее помощник.

– А кто их разберет? Куда ни глянешь – нет хозяев, дома пустые стоят, в квартирах – один сор, а раньше-то и столы, и стулья, и кровати водились! Куда ни пойду – всюду одно, так и странствую... И вы ступайте, ничего более в мире хорошего нет...

– В своем ли ты уме, дядя? – удивился Аникей Киприянович.

– В своем, в своем! – обнадежил странник. – Вот за версту слышно было, тут квартира знатная (от мотнул башкой, показывая себе за спину, и сваха с ужасом поняла, о которой квартире речь). Сунулся туда, думал, с хозяином полажу. Какое! Ни тебе хозяина, ни обстановки! Как словно перед моим приходом все вынесли!

– А... а жених?.. – спросила изумленная Степанида Ермиловна.

– И с женихом вместе.

– Ахти мне... – прошептала потрясенная сваха и села, потому что ноги больше не держали.

– Ты ври, да не завирайся! – прикрикнул Аникей Киприянович. – Я сам здешний домовый дедушка, знаю, кто приехал, кто уехал! Вон домовихи пришли женихово жилье смотреть, а ты их пугаешь!

– Кабы врал... – тоскливо произнес странник. – Не домовый ты дедушка, а самозванец. Не знаешь, кто в доме живет, а кто съехал. Пусти, побреду далее...

– А ну, пошли вместе! – закричал Аникей Киприянович. – Хочу своими глазами увидеть, как это в богатой квартире вдруг все пропало! Она хоть и не моя, хоть пока и без домового, а твердо знаю – никто оттуда не съезжал! А вы, красавицы, погодите тут.

И поспешил по перекрытиям к вентиляции, а странник, в очередной раз вздохнув, поплелся за ним. И в знатную квартиру они заглянули одновременно.

– Что за притча! – воскликнул безместный домовый.

– Пойдем, я тебе другие комнаты покажу, всюду одно и то же, – предложил странник.

И точно – квартира была пуста, один сор на полу.

– Как же оно стряслось? – сам себя спросил потрясенный Аникей Киприянович. – Не собирались же отсюда съезжать!

– Не собирались, а съехали. И давно. Гляди, и паук вон сдох.

– Как – давно? Что ты врешь? Двух дней не прошло, как я сюда заглядывал!

– Каких тебе двух дней? Тут уж долгие годы никто не жил! А сказывали, квартира богатая, добра много! Врут! Неладное с этим городом творится! Я отсюда прочь пойду, да и ты уходи.

Странник подумал и значительно добавил:

– Пока жив.

– Тьфу на тебя... – совсем растерявшись, сказал Аникей Киприянович. И вслед за тяжело вздыхающим странником побрел к вентиляции.

То, что случилось, никак у него в голове не укладывалось. Сам же видел!..

– Сам же видел... – пробормотал он.

– А трогал? – осведомился странник.

– Не-е...

– Трогать надо. Это тебе отвод глаз был – будто тут богатое житье.

– Кто ж его, отвод глаз, сделал?

– А ты не понял?

– Не-е... – Аникей Киприянович совсем присмирел.

– А кикимора.

– Кто, кикимора? Они ж на деревне!

– В город, видать, подались. Глаза отвести – это они мастерицы. Кроме кикиморы – некому...

Когда домовихи увидели унылую рожу странника и растерянную – Аникея Киприяновича, сваха тоненько взвизгнула «ой!»

– Вот те и ой, – буркнул безместный домовый. – Убираться отсюда надобно. Кикимора завелась, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.